

Анна Михалевская

Дети Трещины

Глава 1. Сергей. Разоренное гнездо

Туман стелился над Трещиной, как вспоротое пуховое одеяло, – все перья по ветру. Ошметки оседали на руках, ложились на плечи и голову ледяным капюшоном. Под ногами трескались и рассыпались слежавшиеся комья глины. Где-то далеко за белесой мглой визжали грифы – боролись за право вырвать из туши кусок побольше.

Сергей насторожился. Не грифы, конечно. Кроме провалившихся альпинистов, таких, как он, здесь бродят только дети тумана – его обрывки и сгустки, из которых Трещина лепит подобие живого. Чаще животных, реже людей – они выглядят слишком реальными и всегда крутятся рядом.

Дети выходили из тумана, как из воды, приноравливались к твоему шагу, стремились прикоснуться, взять за руку, обнять. Но лучше от них держаться подальше.

В Трещине не было ни сегодня, ни завтра. Ни дня, ни ночи. Ни дома, ни дороги. Тропа могла вывести к леднику, ледник к изодранной ветрами палатке, оттуда ты попадал в безжизненное ущелье, похожее на те, что окружают Кайлас*, или на заснеженный хребет, отмеченный, как вехами, замерзшими насмерть альпинистами. В каком-то смысле это был мираж, но пока ты находился в Трещине, не существовало ничего реальнее. Очень странное восхождение – оно никогда не заканчивалось, из него никогда не возвращались.

* Кайлас – гора в хребте Кайлас на юге Тибетского нагорья. Гора похожа на пирамиду и символизирует обитель бога Шивы – священную гору Меру.

Перевести дух удавалось только вблизи туров – сложенных неизвестно кем и когда курганов-пирамидок. В основе тура лежал большой плоский камень, будто выросший из глубоко засевавшего в земле гнезда. Сами туры походили на пирамиды, где глыбы с головку сыра держались на крошечном камешке с вишню. Нескладные, невозможные, они могли развалиться в любую минуту. Но не валились. Было дело – Сергей попытался прикоснуться к туру. Обжегся холодом, чуть не потерял пальцы и хорошо запомнил урок. А в остальном туры не опасны. Рядом с ними стихал ветер, их обходили дети тумана. Там можно будет посидеть хоть четверть часа, помучить татарский варган-кубыз, пока не полегчает.

Но если Максима не окажется вблизи первого тура, придется идти дальше.

Ох, ты ж... Сергей вытер рукавом внезапно вспотевший лоб. Несмотря на бесплодные поиски, вплоть до этого момента он не допуская мысли, что Максим мог... что Максима больше нет... здесь.

Месяц сын не выходил на связь. Четыре месяца назад он улетел в Ала-Арчу, подработать инструктором – так он сказал. Три месяца они переписывались и созванивались. А потом...

Нельзя было пускать Макса в альпинизм! Сергей пытался переключить внимание сына, водил в секцию на плавание, рассудив, что бассейн безопаснее восьмистысячников. Но интерес ребенка к горам перебить не смог. Он договорился с администрацией киевских альпклубов: гнать Кораблева-младшего в три шеи, не допускать к тренировкам, сборам и восхождениям. Но Макс зачастил в Одессу, стал тренироваться там. Сергей смирился, когда нашел в комнате восемнадцатилетнего сына припрятанное снаряжение. У кого взял? На какие шиши купил? Тогда решил – пусть лучше идет под его контролем. Так они поднялись на Эльбрус. Первый раз только до седловины. Сергей настоял, и они повернули – он слишком хорошо помнил одно трагически неудачное восхождение молодости... Макс не остановился на Эльбрусе. Его потянуло на Памир, на Тянь-Шань. Все эти тринадцать лет, помогая сыну паковать рюкзак, каждый раз Сергей думал – не дождется.

И вот сейчас непонятно зачем Макс снова умотал в Ала-Арчу. Сергей расспрашивал о планах, но сын злился, отвечал раздраженно. И в конце концов перестал звонить. Поговорил

со знакомыми альпинистами, с администрациями альпклубов – если Максим и собирался на восхождение, никто об этом не знал. На альпбазе Ала-Арчи удивились. Нет, имя Максима Кораблева слышали, конечно, но в этом году он не приезжал. МЧС звонить? Но что он скажет? Оставалась только Трещина – их общее проклятие. Он исходил ее вдоль и поперек. Но прошло слишком много времени. Если сейчас не найдет Максима, не найдет уже никогда.

Тропка вывела Сергея на занесенную снегом пустошь. Подул ледяной ветер, обжег лицо. Краем глаза он различил вдалеке у дороги дряхлый горный приют – почерневшее от влаги дерево, гнилая крыша, стены в прорехах; дверь скрипела и болталась на ветру. Эти псевдоприюты ведь никто не строил и не разрушал – Трещина вырастила их из своего нутра уже такими. Именно там она и мостила переходы в привычный мир. Если вообще снисходила до перехода и позволяла уйти.

Сергей сжал кулаки и едва подавил порыв заорать на погребенную в снегу землю: «Верни мне сына, сука, верни сына!». Он был уверен: этот морозный туман, бурая земля и серые камни, эти туры и приюты, эта пустошь, холмы и горы – все, что Исмаил окрестил Трещиной, – она, женщина.

Сдержавшись, Сергей усилием воли развеял гнев. Она все слышит, понимает и чувствует. Иногда отвечает. Или мстит. А он не хотел ссориться. Но настроение Трещины уже изменилось. Земля ушла из-под ног, и с отточенной годами отстраненностью Сергей отметил: он карабкается по заснеженному склону. Без перил*, кошек и вообще снаряжения.

– Давай помогу!

Из тумана высунулась рука в лыжной перчатке. Рывок – и он оказался на уступе рядом с каким-то парнем. Наш, провалившийся? Или снова дети тумана шалят? Лица не разберешь – что там можно понять? Шапка, капюшон, недельная небритость, красный нос,

* Перила в альпинизме – веревка, концы которой закреплены на двух базах. Перила используют для движения по сложным участкам совместно с другими способами страховки и для движения по относительно легким участкам (на которых возможен срыв с летальным исходом или тяжелой травмой) без страховки.

потрескавшиеся губы. На поясе – система, карабины, ледоруб. Обычный альпинист. Добрая неуверенная улыбка.

– Хотите почитаю?

И парень достал из-за пазухи обтянутый черной кожей блокнот.

Сергей огляделся. Вверх без кошек соваться нечего. Вниз еще успеет скатиться. Выходит, с уступа деваться некуда. Ладно, послушает.

– Я Сизиф, и камень, который я тащу в гору, это моя собственная душа. Помните, кто сказал?

Он покачал головой. Ветер усиливался, он накинул капюшон и втянул голову в плечи. Пошел снег.

– Месснер. А вы что думаете?

– О душе? О камне? Или о Месснере?

– О Максиме. Ведь ваш сын тоже что-то тащит в гору.

В глазах помутилось. То ли снег их залепил, то ли снова опустился туман. А может, давление. Все-таки пятьдесят пять, а он давно не ходил по врачам. И в этой секундной заминке он увидел Максима – тот катил вверх по склону свою голову. Сергей отер лицо рукой, пытаясь прогнать наваждение. Открыл было рот возразить, но понял, что стоит один посреди тумана. Под ногами хрустела земля. Парень исчез, гора тоже. Сергей свернул налево – поближе к возможному переходу, в той стороне он раньше видел уют. Внизу что-то блеснуло. Он нагнулся – между валунами валялась шариковая ручка, а рядом лежал блокнот. Это ведь из него парень зачитывал цитаты!

Трещина любила подкидывать чужие вещи. В родной мир их вынести не получалось. Даже на секунду. Раз он нашел сережку Гульнары, все время держал в кулаке. Но очнувшись после перехода, раскрыл пустую ладонь.

Сергей присел и подхватил блокнот, гадая, далеко ли его унесет. Не успел он подняться, как земля покачнулась, и Сергей едва не вспахал носом сухой грунт. Трещину трясло крупной дрожью: пустоши шли волнами и натужно дышали пылью. Она злилась.

Сердце заходило в груди, пытаясь подстроиться к безумной свистопляске пространства. Сергей перепрыгивал через трещины, уворачивался от летящих из тумана глыб, срывал ногти, выбираясь из ям, падал на колени, поднимался, бежал дальше...

Отмахиваясь от клочьев тумана, он прыгнул через широкий разлом. Огляделся. Клочок сухой земли – и больше ничего. И никого. Он все еще надеялся найти Максима. Или хотя бы его вещи. Какую-то подсказку!

Прошелся, заглянул за большой валун. И не поверил своим глазам. Перед ним зияло осиротевшее каменное гнездо. Пирамиды тура не было! Достаточно крупное, в тусклом свете Трещины оно походило на место убийства. Вот здесь человека тащили, и остались кровавые борозды. Игра воображения, попытался успокоить себя Сергей, всего лишь красные прожилки в породе камня.

Кто-то разрушил тур, рискуя получить смертельный ожог? Или именно здесь Трещина с кем-то жестко расправилась? Максим... Здесь был его сын.

Силы оставили Сергея. Как в дурном сне. Все как в дурном сне.

В тумане замаячил знакомый домик приюта, и Сергей пошел к нему.

Дверь скрипнула, на глазах обвалилась потолочная балка. Инстинкт заставил его торопиться. Он переступил порог. В прогнивших досках пола темнел провал лестницы. Сергей скатился в погреб и, перепрыгивая по три ступеньки, рванул вниз. Лестница таяла под ногами. За спиной затягивалась Трещина. Мысли исчезали, тускнели.

Он уткнулся носом в дверь, дернул на себя ручку и зажмурился от ослепительного света.

Глава 2. Гульнара. Разлуки и встречи

Спроси его сейчас – каким человеком был Исмаил? – Сергей бы не нашелся с ответом. Никогда не понимал, что на уме у этого жилистого невысокого татарина. И никогда открыто не спрашивал.

Они познакомились под Эльбрусом на Приюте одиннадцати. Еще на старом – до пожара девяносто восьмого года. Дело было в пятидесятых, и похожий то ли на космический корабль, то ли на врезанный в скалу круизный лайнер, трехэтажный Приют сохранил остатки былой роскоши. Его строили до войны – паркетные полы, люстры, отопление, канализация. Когда-то

была даже баня. Тогда заботились об альпинистах – их снабжали едой, выдавали снаряжение, платили стипендию. Выгодные вложения – если не в спортивные достижения страны, так в физически подготовленную к возможной войне армию. Но они о войне не думали, они просто болели горами. И бесформенный абалаковский рюкзак, вмиг набиравший влагу, и деревенеющая на морозе веревка – завязать на ней узел требовало отдельной тренировки, и самостоятельно пошитые спальники, и примусы вместо компактных горелок – все это не пугало, да они и не знали, что может быть лучше.

Серее двадцать, Исмаилу сорок три. У Серее в голове – вольный ветер. У Исмаила в нагрудном кармане – фото дочери. Серее любит компанию, он счастлив, что у него такие классные друзья, что они вместе борются со стихией и побеждают ее. А Исмаил обычно садится чуть поодаль, достает варган, бережно отирает его рукавом тельняшки и начинает играть. Он будто бы с ними, но в то же время сам.

В похожий на каюту спальный отсек Приюта набивается много народа. Под потолком натянуты веревки, на них сушатся пуховки, спальники, майки, носки. У стены – горы рюкзаков, на столе такой же горой свалена еда. Тушенка – лакомство богов! Но они и есть боги – делают то, что обычному человеку не под силу!..

Заедают консерву сухарями и запивают чаем, который подарил хозяин на ночлеге в Терсколе. Ребята активно обсуждают «Вертикаль», роль Высоцкого. Как бы они сами поступили, зная, что скоро попадут в циклон? Внизу голова работает по-другому, там все знают: при малейшей опасности надо спускаться. Жизнь дороже. Но здесь, на высоте, когда до вершины рукой подать, восприятие смещается. Есть только ты и вершина. И ты должен ее покорить! Это Серее хорошо почувствовал. Вот сейчас он бы пошел прямо в циклон. Он ничего не боится! Хвастается и ловит на себе взгляд Исмаила – тяжелый и тревожный.

– Ничего ты не понимаешь, Сергей! – говорит, как выплевывает, Исмаил.

Сергей! Это же не к нему обращаются, да? Он Серее, свой парень. Сергей – это кто-то незнакомый, другой, чужой.

– Когда снимали «Вертикаль», Володя жил с нами в лагере. Наша группа консультировала Говорухина. Этот фильм вот где у меня сидит, – Исмаил ударил себя в грудь. – Мы не думали, что говорим с самим

Высоцким. Мы заботились, как бы съемочная группа не свернула себе шею. Когда идешь на гору, думай о других, не о себе. Тогда вернешься. Тогда будет ради кого это делать.

Исмаил переводит дыхание и будто оседает. Компания замолкает – от Исмаила и слова дождаться трудно, на вопросы частенько отмалчивается, а тут такая тирада!

Сереза вспоминает фотокарточку дочки, с которой Исмаил не расстается. И вдруг думает: «Ему есть к кому возвращаться». А Серезе не к кому. Все его друзья – горники. Закончился поход – разбежались по своим семьям. Мать с отцом остались в далеком Ташкенте. Он заболел морем, приехал в Одессу. И в городе, где Шкодова и Жевахова горы не доросли и до ста метров, стал альпинистом.

Он встает, подходит к Исмаилу, садится рядом.

– Расскажите о вашей дочери.

Зачем ему это знать, Сереза не понимает. Он слышит вой ветра за глухим окном, чувствует, как тот ударяется в стены Приюта, они кажутся слишком тонкими. И высота четыре тысячи это не сто. Серезе хочется услышать историю про семью, где кто-то кого-то ждет. И встречает. И радуется возвращению. Хочется до мурашек, до дрожи. И он боится – а вдруг Исмаил замолчит, как молчал всю дорогу до этого. Но тот прячет варган в карман растянутых спортивных штанов, подтягивает штопанные носки и начинает.

– Я сам выбирал ей имя. Гульнара – знаешь, что значит? – Исмаил причмокивает губами, Сереза улыбается. – Подобная цветку. Цветку гранатового дерева. Она очень красивая...

Он наведывается в Киев все чаще. Что в этом Киеве делать, когда в Одессе под рукой и море, и тренировки, и друзья? Он говорит себе, что едет к Исмаилу, у того всегда можно недорого купить скальные туфли вместо галош или новенькие алюминиевые карабины, чтобы не таскаться со стальными, или отдать подушку и через день получить пуховую куртку. Кажется, Исмаила знает весь Киев. По крайней мере Татарка – точно! Знают и уважают! Стоит Исмаилу закрыть невысокую калитку и вразвалочку отправиться на соседнюю улицу к свояку Азису за свежей бараниной, как со всех дворов летит «Селям алейкум», Исмаил никого не пропускает, всем отвечает: «Алейкум селям». Потом они вместе с Серезей молча разделяют мясо в летней кухне на деревянном столе с косой длинной трещиной. И Сереза будто невзначай поглядывает, как

Гульнара рядом месит тесто на мясной пирог-балиш. Сереже очень нравится балиш... и еще больше – Гульнара. Он может бесконечно смотреть, как тонкие длинные пальцы девушки выстилают на большой сковородке тесто, как туда укладывают мелко нарубленное мясо и картошку, закипывают края коржей. Гульнара делает в верхнем корже отверстие, заливает бульон, и Сережа мечтает погладить ее руку. Хотя бы руку. Исмаил перехватывает его взгляд, хмурится.

– Не по тебе она, – тихо говорит татарин, так чтобы Гульнара не слышала. – Запомни, Сергей!

«Почему не по мне?» – Сережа сердится, но быстро забывает слова Исмаила. Слишком хорошо ему, чтобы думать о каких-то условностях. Он знает, что у Гульнары есть жених – Бахир, кряжистый парень с круглым, похожим на луну лицом. Родители их давно в планах поженили. Но также знает, что Гульнаре Бахир не нравится. Чувствует кожей, телом – как точно ощущает, когда надо травить страховку, а когда натянуть.

– Сергей, палец отрежешь! – ворчит Исмаил, и Сережа едва успевает убрать руку. В этом доме ножи отлично заточены и легко уходят в мясо, как в масло.

Он кладет разделанное филе в лоток, берется за следующий кусок. Все отцы хвалят своих дочерей. Но Гульнара и правда как цветок. У ее матери, тихой улыбчивой женщины, такие же черты лица, но она и вполтину не так красива, как дочь. Сережа не понимает, в чем секрет. Может, все дело в фарфоровой коже или в темных, даже черных глазах, или в умении Гульнары посмотреть так, будто она все знает про тебя, даже самое плохое, и наперед прощает.

Весенние сумерки стрекочут цикадами, прохлада забирается под куртку. Они сидят в садике перед домом. Ужин завершен, женщины убрали тарелки. Мать Гульнары Луиза напевает что-то мелодичное, слов Сережа не понимает, но с удовольствием слушает. Гульнара бойкая и любопытная. И очень улыбчивая. Она расспрашивает про горы, про восхождения. В другое время Сережа бы наговорил с три короба, но сейчас язык заплетается. Наверное, потому что под свитером Гульнары сквозь распахнутую куртку угадываются очертания полной груди, и он мечтает – а если забраться под этот свитер, если провести пальцами по теплым изгибам... Косится на Исмаила. Да кто ж ему даст. Сережа вздыхает и продолжает рассказывать про лед, холод и облака.

Интересно, почему Исмаил его тогда приблизил? Татарская семья, мусульманская вера. Для Гульнары партия невыгодная. Тем более жениха ей выбрали еще в детстве. Да, ходили вместе в горы. Альпинистское братство. Чувство плеча. Но ведь Исмаил так больше ни с кем и не общался из ребят. Своя семья – вот что для него стояло на первом месте. И вдруг пустил чужака. Вокруг было столько достойных, а Исмаил доверился ему.

Ночь садится у порога, мигает звездами и ждет. Сережа тоже ждет, сам не знает чего. Женщины уходят в дом. Луиза буквально уводит Гульнару за руку. Та оборачивается, бросает долгие взгляды на отца – просит. И на Сережу – спрашивает. И как у нее получается так – говорить глазами? Исмаил качает головой и тоже отвечает взглядом: «Нет». А другого Сережа и не ждал. Он умеет вязать узлы и вбивать скальные крючья, но в разговорах – полный дурак, даже если это разговор взглядами. Поэтому Сережа просто улыбается. И Гульнара – вслед за ним тоже.

Закрывается со скрипом дверь веранды. Они остаются во дворике одни. Исмаил пристально на него смотрит. Нет, он не Гульнара, он так не понимает. Не говоря ни слова, Исмаил присаживается на скамейку, достает варган и начинает играть.

Исмаил играет только в горах – на стоянках, иногда в краткие моменты передышки на маршруте. Бог знает, как варган не примерзает к губам, но татарин справляется. В городе Исмаил не играл никогда. И вдруг...

Ночь дрожит, как замерзшая кошка, шерсть искрит и становится дыбом. И чем дальше Сережа слушает протяжный плач варгана, тем четче сквозь эти искры-всполохи проступают горы. Нет, они по-прежнему сидят в скромном дворике на Татарке, но прямо над шапками красных пионов он видит острый клин Эвереста, его сменяет хребет Аннапурны, раздвоенный хвост Мачапучаре, венец пика Короны, двугорбый Эльбрус...

– Хочешь? – Исмаил резко обрывает игру и протягивает Сереже варган.

Тот от неожиданности отстраняется, но Исмаил так и остается сидеть с протянутой рукой. Выбора нет, придется пробовать.

Сережа берет варган, сжимает губами, дергает язычок. Глухой неприятный звук. Но он продолжает попытки. И кажется, он не то чтобы учится играть, а уговаривает варган. Приручает его. И тот в конце концов сдается. Сережа вдруг понимает, как надо держать скобу, чтобы звук был чистый. И внутри рождается мелодия, которую он почти без ошибок повторяет.

Он закрывает глаза и видит на тыльной стороне век горы. Чо-Ойю и Шиша-Пангма, пик Независимости и пик Ленина, Белуха и пик Комсомола. Трудно оторваться от этой красоты, но Сережа все-таки разлепляет веки. Горы никуда не деваются. Они все так же висят над цветами пионов в маленьком садике на Татарке.

Исмаил улыбается – искренне и открыто. Сережа первый раз видит его таким.

– Ты сможешь, – шепчет Исмаил и крепко стискивает плечо.

«Что я смогу?» – не понимает он, но вопросов не задает. Так хорошо, не хочется ни о чем говорить.

Горы постепенно оседают туманом на клумбу. Кошка-ночь укладывается, зализывает шерстку.

Сережа протягивает варган Исмаилу и гадает – было, не было?

– Нет! – Исмаил возвращает его руку. – Теперь он твой!

Видя непонимание, вздыхает и принимается объяснять. Сережа слушает, а горы все еще стоят перед глазами.

– Варган мне отдал отец, а ему дед, а деду – прадед. Я не знаю, кто был первым, да и неважно это. Отец так же, как и я сейчас, посадил перед собой и велел играть. Я увидел горы не сразу. Может, на следующий день. И все это время отец очень злился. Теперь знаю почему... – Исмаил замолчал, испытующе посмотрел на Сережу и, решившись, продолжил: – У меня нет сына. Только дочь. Но это должен делать мужчина, понимаешь?

Сережа не понимает, но все равно кивает. Если надо помочь Гульнаре, он готов на что угодно.

– Бахир не той породы. А ты справился. Я был уверен, что справишься... Испокон веков татары почитали камни. Акташ, тараташ, махадиташ, камень, что лежит в основе святыни Каабы в Мекке – все это отголоски древней веры. Мы знаем, что камни могут помочь и проклясть. Вылечить и убить. Дать или все отобрать. Можно просить камень, но это опасно. Этого достойны не многие... Доступ к нашим святыням – тем, что действительно святыни, а не мертвые булыжники, запечатан. Кто-то считает, надо истово молиться, чтобы достучаться к ним. Но не многие знают, что ближе всего к этим святыням горы. Почему, ты думал, там гибнет так много людей? Неподготовленность, непредсказуемость стихии, трудные условия – да. Но дело не только в этом. Горы – отчасти переход. Переход в иной мир, священный мир камня. Не все, кто идет туда, готовы

к этой встрече. Варган запечатывает или открывает двери. А мы – кто умеет играть на нем – стоим на страже. В основном запечатываем, реже открываем. Обычно это передается по наследству. Но не хочу пускать Гульнару в горы. Я нашел тебя, и всемо научу...

Они долго молчат. В Серее бурлит протест, он из последних сил сдерживается, чтобы не наговорить глупостей. Возможно, Исмаил болен. Нельзя реагировать резко. Но тогда они оба больны, ведь Серее своими глазами видел горы – в палисаднике, над пионами. Галлюцинация, внушение? Но он не знал заранее, что надо увидеть... А если Исмаил говорит правду, тогда еще хуже. Серее не хочет быть никаким стражем, он молод, у него столько всего впереди... Но... Если не он, тогда Гульнара... Наверное, это опасно для девушки. Исмаил не зря ходит в горы и всю дорогу играет. Если не врет, значит – спасает их шкуры...

– Сергей, выручай! – наконец говорит Исмаил. – Хотя бы ради нее, – он кивает на спящий дом, в комнате Гульнара на втором этаже тихо тлеет ночник. – Я скоро уйду. Кто-то должен занять мое место.

Серее морщится, он не хочет быть Сереем. Он не хочет этой ответственности. Но все-таки кивает, соглашаясь. И стараясь не думать о тревожном «уйду», смотрит на огонек второго этажа и вспоминает улыбку Гульнара. Ради нее. Исмаил прав, он сделает это ради нее.

Тело Исмаила так и не нашли. Кто-то говорил, татарина предупредили о сходе лавин, но он все равно пошел на восхождение. Кто-то утверждал, что лавина сошла неожиданно на том участке ледника, где это в принципе случалось крайне редко. Исмаил шел в тройке, двоих ребят удалось вытащить из-под снега и откачать.

Серее гостил в Киеве и вылетел в Таджикистан сразу, как узнал от Луизы новости. Спасатели отработали по полной, и помочь он уже ничем не мог. Забрав вещи Исмаила, вернулся в Киев. Уже в самолете Серее сопоставил: то был первый раз, когда татарин пошел на восхождение без варгана. Он чувствовал вину: все время казалось – что-то должен был сделать и упустил.

Гульнара и Луиза встречают его взглядами, молчат. Он понимает их, он научился говорить глазами. Теперь никто не стоит между ним и Гульнаррой. Луиза часто оставляет их наедине. Но Серее подавлен настолько, что не может ни о чем думать, кроме Исмаила. Еще недавно он бы отдал все, чтобы мельком прикоснуться к Гульнаре, а сейчас

не смотрит на девушку, достает варган и играет. Не сразу замечает, что Гульнара с интересом рассматривает воздух. Именно в том месте горные пики сменяют один другой. Сережа-то их давно видит, но ведь так может не каждый.

– Я записалась в секцию альпинизма, – говорит Гульнара. – В следующий выезд я с тобой.

Сережа отрывает варган от губ, его бросает в холод и в жар. Исмаил не хотел этого. Он берег свой цветок. Но... Мысль о том, что Гульнара идет с ним в одной связке, дышит одним воздухом свободы, что они вместе кипятят чай в базовом лагере и спят рядом в спальниках, греясь теплом друг друга, пьянит не хуже портвейна. Это же счастье, когда любимый человек и любимое дело... Он краснеет. Сам не заметил, как успел влюбиться...

– Я знаю, отец не хотел, – серьезно говорит Гульнара, – но я хочу. И я пойду. С тобой или без тебя. И когда-нибудь найду тело отца.

Он потерпел поражение. Они все потерпели – и Луиза, и бывший жених Бахир. Родные отговаривали, на разные лады объясняли девушке, что она ввязывается в опасное и ненужное дело. Но Гульнара унаследовала железную волю отца. Он не смог ее остановить, но обучил всему, что знал сам. Про варган не рассказал, но был уверен: Гульнара все видит и понимает.

Она гостит в Одессе. Политеховское общежитие. Старая узкая кровать, продавленный матрас. Сережа дрожит от возбуждения и предвкушения. Голова кружится, он ничего не слышит и не видит. Теплая впадинка на шее, родинка на груди, такая сладкая и белая-белая кожа.

– У нас будет сын, – говорит Гульнара. – И мы назовем его Максим.

– Почему не Рашид или какой-нибудь Латиф?

О, он еще может шутить в этот момент, удивляется сам себе Сережа.

– Мне нравится имя Максим, – отвечает Гульнара и притягивает его к себе.

Неужели это происходит с ним? Но напряженный сосок под его пальцами не оставляет сомнений. Он здесь, он с ней. Только бы никто не зашел, только бы сосед по комнате не вернулся, успеваешь подумать Сережа и ныряет в наслаждение, как в раскаленную реку.

Сына они родить не успели. И найти тело Исмаила, погребенное на подступах к пику Корженевской, тоже. Даже долететь до Таджикистана не успели.

Она идет по тропе уверенно. Хорошо переносит восхождение – не страдает горной болезнью, не боится высоты. Странно для такой нежной девушки. Ее движения лишены суеты, нетерпения. Будто это Гульнара, а не Сережа, вот-вот сдаст на инструктора и поведет группу.

Они идут не по классике, с востока, – он обещал показать маршрут посложнее. И почему Исмаил не пускал дочь в горы? Это второе восхождение Гульнары, но, кажется, будто она здесь родилась – прямо в ложбинке между двух верблюдьих горбов Эльбруса. Он любит ее, все время одергивая себя – нельзя забывать про осторожность, они обходят опасный боковой кратер. А забывается враз. Рядом любимая девушка, под кошками хрустит какой-то новогодний, нестрашный снег, на языке еще вкус шоколада и терпкого чая, разреженный воздух режет мир на контрастное – белое, лазурное и красную куртку Гульнары. В группе пять человек, идут поодиночке – они опытнее, а он привязался к Гульнаре – Исмаил учил его ничего не оставлять на волю случая. Сережа и не оставляет. Вот только варган забросил. И где-то там, в десятом кругу мыслей, это его беспокоит. Ведь теперь он – серьезный парень Сергей, и друг, погибший друг, доверил ему дело. Смысл этого дела он не совсем понимает, но волю ушедших не обсуждают. Ее просто стараются выполнить. По идее, варган должен держать границу. Какую границу? Что будет, если ее нарушить? Сережа не хочет об этом знать, он хочет, чтобы все было так, как сегодня, как сейчас – Гульнара рядом и до вершины рукой подать.

В круговерти радостного ожидания он, не имея сил держать чувства в себе, произносит ее имя. Хочется увидеть хотя бы профиль. Они поднимаются уже три часа, он так соскучился... Гульнара на ходу оборачивается, и уголки ее губ подрагивают, готовые в любой момент улыбнуться. В этот миг он начисто забывает об Эльбрусе. И в этот миг Гульнара поскальзывается. Он протягивает руку, чтобы удержать девушку, но все происходит слишком быстро – она скользит ногой по крутому склону, отстегивается кошка, и Гульнара кубарем катится вниз, увлекая его за собой. Он успевает зарубиться, и они повисают вдвоем где-то посередине склона. Он – на ледорубе. Гульнара – на страховке.

– Я держу тебя! – кричит он и смотрит вниз, пытаясь поймать взгляд Гульнары.

Страховка так ненадежна, а веревка так тонка. Ледоруб вошел неглубоко, он держится на честном слове, и они с Гульнарой – на половине этого слова.

Сереза наконец ловит взгляд девушки – растерянный, испуганный, умоляющий. Гульнара елозит ногой по склону, и он с ужасом видит, что и вторая кошка потеряна.

– Ледобур! – орет Сереза. – У тебя на поясе! Доставай, осторожно!

Руки девушки дрожат и не слушаются. Она шарит на поясе, перчатки мешают, так не отстегнет. Но Гульнара справляется! В ее взгляде появляется осмысленность. Старательно отмеривая движения, она приставляет бур к ледовому склону и медленно начинает вкручивать.

– Не могу! – вдруг говорит Гульнара. Очень тихо, но внятно. – Мы не выберемся!

– Не останавливайся! Ради Исмаила, пожалуйста!

– Не могу! – повторяет Гульнара. Она плачет, и ледобур вылетает из рук.

Она же совсем ребенок, как он мог поддаться уговорам, зачем вообще взял в горы? Мысли бураном носятся в голове, а Сереза кричит:

– Соберись, давай! Я тоже хочу сына! Максима!

Девушка становится серьезной. И вдруг улыбается.

– Я люблю тебя, – говорит Гульнара. – Передашь Максиму привет...

Когда-нибудь...

Сереза не успевает ни ответить, ни осознать, что происходит. В сумасшедшем ритме сменяются кадры: блеск стали, последний взгляд Гульнары, летящая вниз тряпичная кукла, распотрошенный конец веревки, отсутствие натяжения и пустая бесполезная легкость, которая давит сильнее надгробной плиты.

Когда он в конце концов понимает, что Гульнара перерезала страховку, чтобы спасти его бестолковую жизнь, что-то делать поздно. Невозможная надежда еще теплится – вдруг кто-то из восходящих групп поможет Гульнаре. Но он ведь знает – Гульнаре нечем зарубиться, и у нее нет кошек. Сюда никто не сунется, в лучшем случае их группа свяжется по радиации с КСП*, если та поймает сигнал. Первый порыв – разжать пальцы, отпустить ледоруб и полететь следом. Он еще так много не успел ей сказать. Догонит... долетит и скажет. Сереза не хочет, не может поверить, что она уже, скорее всего... не услышит. Ни его, ни кого-то другого. Разжать пальцы – и все закончится. И ни о чем не придется думать. И они будут рядом... Но диссонансом врываются слова Гульнары: «Передашь Максиму привет... Когда-нибудь...» Он будет скотиной, если не сделает хотя бы этого.

* Контрольно-спасательный пункт.

Вцепившись кошками в склон, распластавшись на горе, обняв ее как единственную и горькую любовь, он позорно бездействует и ждет... Меняет руки. И когда обе уже задеревенели, и он понимает, что не сможет сомкнуть пальцы на ледорубе, откуда-то с небес приходит помощь. Четверка спасателей в связке – его привязывают пятым – и вытягивают на безопасную тропу.

– Где она? – язык еле шевелится, то ли распух, то ли примерз, Сережу не слышат, он собирается с силами и повторяет: – Где она?

Ему не отвечают, и надежда замерзает, как слезы на его щеках.

Гульнару находят на следующее утро. Его успокаивают – смерть была мгновенной – травма головы. Ох ты ж...

В базовом лагере он ни с кем не говорит. Всю ночь сидит под палаткой, над головой – бесполезные звезды. Он раздумывает, как им отомстить, и только к утру вспоминает про варган. Начинает играть и понимает – теперь это его задача. Жизненная задача. Он должен был это сделать раньше. Может, тогда кто-то с той стороны границы не поставил бы Гульнаре подножку. Ведь это выглядело именно так. И тут он замечает, как между палатками мелькает фигура. Сердце колет. И Сережа вкладывает в свою игру всю силу несбывшихся желаний. Низкий гул варгана разрывает холодный воздух. Исмаил оказался прав, ее нельзя было пускать в горы. Фигура не исчезает, и Сережа боится смотреть в ту сторону. Он не хочет надеяться. Но призрачная Гульнара машет ему – таким привычным родным жестом. Не переставая играть, Сережа встает и идет за ней. Тень обрастает плотью, кажется, он вот-вот увидит ее профиль. Он так хочет ее настигнуть, но Гульнару не нагнать... Между палатками начинает светиться воздух. Это похоже на трещину, на вертикальный разрыв пространства. Гульнара застывает на краю, и Сережа готов отдать все, лишь бы дочь Исмаила ожила. Вопреки законам рождения и смерти. Только отдавать у него нечего. Самое дорогое, что осталось, – мечта о сыне Максиме. Когда-нибудь он расскажет ребенку о Гульнаре. И, может, перестанет чувствовать эту огромную неподъемную вину. Но ради Гульнары он готов отдать и это.

– Возьмите его... Пусть останется она, – говорит он Трещине.

Та будто мигает, принимая жертву. Он делает шаг и вслед за Гульнарой ступает в искрящийся воздух.

Так Сергей первый раз оказался в Трещине. Поначалу ходил туда, чтобы увидеться с Гульнарой. Так ему хотелось думать. Но потом пришлось признать – тень девушки сшита из его же

воспоминаний. Трещина вытряхивала их из памяти, словно выворачивала наизнанку старую кошелку, и он подолгу смотрел, как Гульнара улыбается, смеется, плачет... И продолжал играть на варгане, теперь понимая, что это может для кого-то значить. Но когда в Трещину стало затягивать друзей, знакомых и мало знакомых ему людей, когда он оказывался рядом с бедолагами, чтобы если не помочь, то сгладить шок, он прогнал Гульнару. И она послушалась. Сергей не раз жалел об этом, но жизни других дороже его несбывшейся мечты. Он собрался с силами и отрезал прошлое.

Начал смотреть по сторонам. Таню он выбрал сознательно – уступчивая, русоволосая и светлоглазая, она совсем не походила на Гульнару. А когда родился Максим, он потерял к ней всякий интерес. Таня не устраивала скандалов и удивительно быстро нашла ему замену. Так получилось, что именно он, а не мать, проводил с сыном все свободное время. Хоть этого времени было и не много.

Глава 3. Максим. Соло на восьми тысячах

Покхара. Любопытные люди в пестрой одежде. Некрасивые домишки. И до прозрачности, до звона – неприрученная, изначальная природа. Острые хребты стеной на горизонте – как защита, как благословение, как божий гнев. Желанная, неприступная, прекрасная Аннапурна. На страже – Мачапучаре, запрещенная для восхождений вершина, она же Рыбий хвост, она же обитель Шивы. Он уж точно не даст свою Парвати в обиду. В муссоны занавес тумана и туч влажным бархатом закрывает горы – боги отказывают в аудиенции, прячут свой лик. И альпинисты ждут, ждут, ждут разрешения...

У Максима был план и до сих пор ему удавалось следовать. Сдержанно и холодно он отмечал вехи. Акклиматизация – прошел в Киргизии. Купил трек до базового лагеря Аннапурны. Вертолет – уже договорился с летчиком, успеет к базовому с опережением. Вещи – проверил все еще утром: от буров и крючьев до видеокamera. Денег на обратную дорогу не осталось. Выживет, заработает.

Утром он сходил на пуджу. Надо же, всегда верил только в себя. Непал на него как-то не так действует. Или наоборот – так?

Жрец Хануман благословил Максима, повесил на шею связанную узелками нить, тоже красную, похожей обвязал левое запястье.

– Защита, – пояснил брамин на английском и задержал на Максиме немигающий взгляд.

Максим замер, понимая, что сейчас услышит приговор.

– Все будет не так, как ты думаешь. Не беспокойся об этом, просто дойди до конца.

– Намастэ-э-э... – эхом протянулось долгое «э».

Сейчас, сидя в кафе на озере Пхева и наблюдая за разноцветными лодками и катамаранами, он начал сомневаться. Чего стоит его жизнь? Хватит ли этого, чтобы расплатиться? И хватит ли у него сил дойти до вершины?

По-другому не считается. Он безумнее Месснера, того хоть ждала в палатке Нена. Его положение немногим лучше фанатика Уилсона – по крайней мере, есть снаряжение и навыки. Но что значат навыки и тренировки перед лицом Аннапурны? Букреев, для которого горы были комфортнее квартиры, который вынес на себе не одного человека в ночь страшной трагедии 1996 года на Эвересте, погиб в лавине на Аннапурне, не успев начать восхождение. Его тело так и не нашли. Но был везунчик Морис Эрцог, любитель среди альпинистов; они первыми в компании с профессионалом Ляшеналем поднялись на Аннапурну и, что важно, спустились. Холодная ночевка в трещине в трех метрах от лагеря, снежная слепота, сошедшая на связку лавина, обморожение, гангрена, ампутация пальцев без анестезии прямо в лагерях. Аннапурна здорово потрепала первых горовосходителей и взяла свою дань. Но всех отпустила живыми. Максим часто думал, это было намеренно – гора хотела, чтобы Эрцог рассказал про нее другим. Что он и сделал, написав книгу. И еще она по-своему вознаградила его – мэр Шамони, госсекретарь министерства спорта Франции, бизнесмен и политик, Морис Эрцог успел многое в жизни и умер в возрасте девяноста четырех лет...

Стоило Максиму приехать в Покхару – и что-то сломалось. Это рухнул мост, догадался он, ненадежный хлипкий мост, связывающий его с прошлым, державшийся до поры на неумелых узлах, за которые любой инструктор выгнал бы с тренировки. А теперь возврата нет. Или вперед, или...

Хватит! Никаких других «или» нет. Он идет на Аннапурну! Он будет просить. Он знает как. И если повезет хоть вполовину, как повезло Эрцогу, если гора откликнется...

Побывать на вершине Аннапурны и вернуться – мечта каждого альпиниста. Но погибни он здесь, никто не узнает. Вернись с победой – вряд ли засчитают результат. Он шел туда не как альпинист, как паломник. Но паломник не очень добросовестный. Максим понимал, что официально подняться на Аннапурну у него не выйдет. Слишком дорого, а времени искать спонсоров, которые бы покрыли все расходы без серьезных обязательств с его стороны, не было. Пришлось схитрить. Он обманул группу, отколовшись раньше, хоть понимал: потеря участника – не лучшая репутация для турфирмы. Кое-какой денежной поддержкой Максим все-таки заручился от фанатичного клиента, который бредил восхождением на Аннапурну. Сговорились, что сперва Максим разведает дорогу сам. Тимофей дал деньги с условием, что Максим привезет фильм и побольше фото. Со съемками вряд ли получится, он это понимал. Если спустится, отдаст долг... Он не сообщал ни друзьям, ни отцу заранее. Те бы отговаривали, а Максиму нужна была вся решимость на свете... Отцу написал письмо и отправил с местной почтой, узнав, что идти будет месяца два. Максима это устраивало. К тому времени все определится.

Что-то надо было еще понять. Слова брамина никак не выходили из головы. Что значит «не так, как думаешь» и где он, этот конец? Ведь тот не сказал «дойди до вершины».

В невероятно ясном небе скользнул силуэт грифа. Тот сделал пару кругов над озером и улетел в сторону гор, слившись с заснеженными пиками. Максим подождал, пока черная точка не исчезнет, бросил на столик рупии и направился к причалу.

* * *

Долетели быстро – за полчаса. Часть пути их вертолет сопровождали грифы. Вытягивали длинные шеи, будто интересуясь: когда уже шлепнетесь? Так и не дождавшись, птицы набрали высоту и ушли в стратосферу. Избавившись от соглядатаев, Максим перевел дух. Вертолет трепало и бросало, и пилот молча вел свою

адскую машину вдоль Гималайского хребта. Внизу виднелись острые иглы пиков и долины, будто небрежно выцарапанные гигантскими когтями. Максиму показалось, горы их заметили и словно потянулись к вертолету: поздороваться, познакомиться, и если что – вышвырнуть вон.

Максим не раз видел под своими ногами застрявшие на вершинах облака, глаза слезились от мороза и восторга, хотелось лечь и остаться там навсегда; он постигал то, что словами не объяснишь. Забывалась даже Трещина, бесплодные скитания по ее пустошам, потери. Но спустившись с гор, вернувшись домой, вместе с потерей высоты он терял самое ценное свое понимание. И тогда – тренировки до седьмого пота, и снова собирать рюкзак, и снова километры по вертикали. Порой думалось: это зов Трещины. Кто ж знает? Со временем он перестал различать, что притягивает его больше – восторг от гор или кабала Трещины. За все эти годы он передумал и перечувствовал разное. Но сейчас Максим впервые осознал, что там, внизу, – живое. Не божество, а существо со своими желаниями, радостями и даже страхами.

Вертолет пересек гряды, миновал южный лагерь и начал спуск к лагерю на северном леднике. Полюбившийся туристам южный лагерь – небольшая площадка полкой выдавалась вперед на высоте четыре сто. Ее обступали горы, сохраняя и защищая, как родители ребенка, и образуя замкнутый цирк с отвесными стенами. Долину непальцы называли Святилищем Аннапурны. Для них место священо – Мачапучаре, дом бога Шивы, и мать плодородия, а заодно и жатвы, Аннапурна, стояли здесь в одной гряде. На дне долины – язык Южного ледника Аннапурны – истоки реки Моди-Кхала.

Для кого-то – суеверие, для него непреложная действительность. Цирк Аннапурны был не чем иным как храмом, огромным, подавляющим. Гора – великой богиней, а он ничтожным смертным.

Максим поставил палатку в гордом одиночестве. Общаться было не с кем, да и не хотелось – повисло слишком много вопросов, которые он так и не успел задать себе. За час, пока он искал место, переносил вещи, утапывал и разгребал снег,

все-таки показался человек – вдалеке на фоне странно блеклой, будто вылинявшей за многие годы палатки мелькала красно-белая куртка.

А ведь это путь в один конец, с кристальной ясностью осознал Максим. Пока он не ступил во владения Аннапурны – даже из Покхары мог повернуть назад! – планы были планами, теперь они стали решением. Что не успел, уже не успеется. И остро, до боли в подреберье, захотелось жить.

Отгоняя невеселые мысли, взялся за работу. Покончив с вещами и окончательно обустроившись, он развесил флаги между палаткой и обложенным камнями колышком, налил в миску воды, насыпал рис, зажег благовония. Еще не та жертва, которая нужна Трещине, но надо с чего-то начинать.

Стемнело быстро. Максим наконец отложил подзорную трубу – налюбовался уже бараньими лбами, по которым придется завтра лезть.

Помня обещание, данное Тимофею, он даже успел кое-что снимать на камеру.

Потом сварил на горелке кашу, наскоро перекусил. Сидеть в палатке не хотелось, и пока сумерки не перешли в ночь, отправился бродить по лагерю. Высоко в гаснущем небе беззвучно парили тени – снова грифы. Эти птицы не кричат, не поют, только хрипят – когда борются за добычу. Было неприятно тихо, молчал даже ветер.

Вернувшись к палатке, с удивлением обнаружил, что его поджидает гость в красно-белой куртке. Не то китаец, не то кореец дружелюбно улыбнулся и помахал рукой. «Почему я здесь один, понятно, – размышлял Максим, – но он-то что в одиночку собрался делать?!» Китаец обратился к нему на английском. Максим представился, но тот так и не назвал своего имени. Максим вскипятил чай, парень отказался. Они просидели на мотках веревки у палатки где-то с час. Говорили о чем угодно, только не о восхождении, не о горах. Много шутили. У китайца оказалось отличное чувство юмора. Вспоминали девушек, семьи. У парня было пять сестер, и он с упоением рассказал о каждой. Максим говорил об Ольге, выдав ее за свою жену. Может же он напоследок пометать о несбывшемся!

Безымянный гость ушел неожиданно – как и появился. Нет, не растворился в ночи, просто встал и попрощался. Долго жал руку. Перчатки он по странной прихоти не надел – рука была ледяная, и на ладони Максима осталась пара ледышек, которые, впрочем, быстро растаяли.

Уже в палатке, забравшись в спальник, он проверил прогноз – три недели будет держаться окно хорошей погоды. Максим запрокинул голову, отчетливо чувствуя, как над ним довлеют все восемь тысяч божественной мощи. Какой прогноз? Аннапурна непредсказуема. Три недели – больше, чем три дня, но это ничтожно малое время для восхождения в одиночку. Никто не навесит заранее перила, не занесет на высоту груз, не подстрахует на сложных участках. Альпийский стиль*, чтоб вы были здоровы.

Надо было спать, но уснуть не получалось. В голове крутились маршруты, одна на другую накладывались карты – он до сих пор не решил, как пойдет. Традиционный путь был опасным, хоть на Аннапурне и нет полностью безопасных мест. Тем не менее, если идти по маршруту первой французской экспедиции, пришлось бы неминуемо пересечь кулуар**, через русло которого каждые десять минут сходят снежно-ледовые лавины. Испугаться не успеешь, не то что отреагировать. Был еще один маршрут, проложенный еще в девяностых Владиславом Терзыулом***. Длиннее раза в два, проходит по открытому гребню, где ветер сносит с ног, но зато в обход кулуара. Маршрут займет слишком много времени и сил, которых у него нет...

Наверху прогремело, легко качнулась палатка, Максим погасил газовый фонарь, поглубже закутался в спальник. Вспомнилась Оля, любовь его жизни, их первый вечер. Имеет ли он право сейчас о чем-то жалеть? Но ему было жаль – что свернул тогда на полдороги назад, не дошел до конца. Это тоже был горизонт, за который он так и не заглянул.

* Альпийский стиль – последовательный подъем на вершину вместе со всем снаряжением.

** Кулуар – ложбина в склоне горы, направленная вниз по линии тока воды. Широкая в верхней части, сужается внизу.

*** Владислав Александрович Терзыул – украинский альпинист, по одной из версий – первый горовосходитель из СНГ, покоривший все восьмитысячники мира.

* * *

Выскобленная лавинами мокрая скала не держала, приходилось страховаться. Шел на ощупь, лишь приблизительно наметив путь заранее. Кое-где попадались оставленные прошлыми экспедициями крючья, обрывки веревки. Он отмечал детали, запоминающая дорогу, – вдруг пригодится на обратном пути.

Впервые за долгое время он чувствовал умиротворение. Время сомнений прошло. Он на маршруте, он занят делом. Привычная тяжелая работа. И гора, казалось, ничего не имела против. Максиму чудилось, что не веревка, а сама Аннапурна страхует его, поддерживает и тянет вверх. На глазах выступали слезы, и он едва сдерживал неуместный необъяснимый восторг.

Погода стояла великолепная: чистый воздух звенел, блеснул снег, будто подоженный изнутри. Здесь ничего не росло – только жухлая бурая трава в базовом лагере, но все равно отчетливо пахло весной. И снова его захлестнуло еще более острое желание жить. Забылись мучительные ожидания, раздумья, проверки и перепроверки того, что уже слишком поздно было менять и возвращать на круги своя.

Китаец больше не появлялся, а Максим его не искал. Он был благодарен за ночную беседу, но не расположен к общению. И все время перебирал в голове выученные наизусть страницы Ванино блокнота. Где-то на Аннапурне есть вход в святую святых Трещины, в первоистоки этого мира. Может, этим входом была сама Аннапурна – вся как есть, огромная и неделимая.

Палатку первого лагеря он поставил на осыпном склоне, над ледником. Удобное и, как ни странно, уютное место. Отсюда просматривалась вся стена, которую еще предстояло пройти.

Заснул Максим почти сразу после ужина, успел только перебросить снятое видео на телефон. Когда эйфория от первого удачного марш-броска начала спадать, навалилась усталость. Спал беспокойно – его постоянно будил грохот сходящих лавин. Казалось, мощные массы льда и снега проносятся совсем рядом. Ему снился студенческий лагерь, Каролино-Бугаз, железная дорога у ворот лагеря и рев товарняка, разрывающий ночной цокот сверчков. Просыпался и понимал – не товарняк. И не Бугаз.

Сюрприз ждал наутро. На расстеленном рядом запасном каремате ворохом лежали все вещи из рюкзака – будто неведомые гости в спешке что-то искали. Проверил тамбур – молнии закрыты до конца. Максим оторопело смотрел на вещи – людей здесь нет, пространство хорошо просматривается, он никого не видел вчера. Снежные барсы могут забрести, но они пока не научились расстегивать и застегивать молнию. Единственное объяснение – к нему наведалься кто-то из Трещины. Значит, он на верном пути? Максим принялся заново укладывать вещи. Это могло значить что угодно. В том числе и предупреждение – убираться отсюда, пока цел.

* * *

Настроение испортилось и погода тоже. Начал мести снег, каждые полчаса приходилось очищать палатку и разгрести подходы к ней. Вернуться в базовый лагерь? В пятидесятом году Морис Эрцог заблудился с товарищами как раз на этом леднике, из-за пурги они не смогли рассмотреть палатку и остались на холодную ночевку в пяти минутах ходьбы до лагеря! Их спасли. Ему такой расклад не светит, так что придется ждать.

Снегопад закончился лишь через пару дней. Дальше – пересекать ледник. Разорванный, изрезанный глубокими трещинами, которые так старательно замаскировал снег.

Кошки врезались в лед, как в стекло, – нахально, с громким хрустом, от которого на зубах появлялась оскомина. Максим выучил карту, помнил рисунки больших трещин. Их обходил. Оставалось надеяться, что снежные мосты над другими – неизвестными и неожиданными – выдержат.

Второй лагерь он установил на пять семьсот. Лавины грохотали всюю и сходили каждые полчаса. Грохот рождал в пространстве вибрацию. Вибрация передавалась телу, и Максиму казалось, он дуэтом поет с горой безумную песню смерти и жизни. Впервые пожалел, что оставил варган отцу. Сейчас он остро нуждался хоть в каком-то собеседнике.

Прошло еще три бесконечных дня ожидания, растянутых снежной лентой непогоды. «Что ты хочешь сказать?» – спраши-

вал он Аннапурну, разглядывая огонек газовой горелки. Гора молчала, кутаясь в сугробы.

Наконец долгожданное окно и затишье. Проснулся в три ночи и сразу мысль: сегодня! Сегодня и до конца!

Вышел засветло, двигался быстро. Подход к кулуару – ледник, где сливаются снежные и ледовые лавины нескольких кулуаров в одну «реку». И об этом лучше не думать. За десять секунд, которые нужны лавине, чтобы докатиться вниз по ложбине кулуара, далеко не убежишь. Он успел. Набрался наглости и сказал горе, что приготовил ей подарок, от которого она не сможет отказаться. И, кажется, уловил в ответ нечто отдаленно напоминающее любопытство. Аннапурна. Женщина из всех женщин.

Изматывающий подъем по борту кулуара. Не смотреть наверх – туда, где нависают глыбы льда размером с дом. Не слушать вой лавин. Не думать, что случилось с другими экспедициями, обрывки их веревок сейчас треплет ветер.

Горе любопытно. Гора вынесет. Хотя бы чтобы посмотреть на упряма. Хотя бы чтобы выслушать.

Сумерки застали Максима в пути. Третий лагерь он ставил на шести триста. Еще не зона смерти, но уже зона смертельного риска. Место под палатку на крутом склоне рубил в фирне* два часа. Заснуть так и не удалось. Всю ночь сходили лавины. Инстинктивно Максим поднимал руки, прикрывая голову, – будто это могло чем-то помочь. Если палатку зацепит хоть слабый отголосок лавины и сбросит, лететь вниз по отвесной стене двести метров.

Пока ворочался с боку на бок, решил, что спустится, переждет до лучшей погоды. Под утро в палатке появился китаец. Ничего не сказал, показал пальцем вверх и скрылся в тамбуре. Почему-то Максим не удивился китайцу, а неожиданно согласился с ним. Он и сам понимал, что, спустившись, не одолеет этот путь снова. Гора открыла дорогу сейчас, он должен идти.

День дался тяжело – гораздо тяжелее, чем решение продолжать дорогу. Ледобуры проваливались в снежный склон, заряженный ветровыми досками, – страховку сделать невозможно. Рядом в кулуаре постоянно сходили лавины. Он шел на кошках,

* Фирн – крупнозернистый плотный снег в верховьях ледников, образовавшийся от частого замерзания и оттаивания и постепенно превращающийся в лед.

страхуясь ледорубом – как первые альпинисты. Рюкзак оттягивал спину, и Максим вжимался в снег, молясь всем известным богам, чтобы вместе с пластом не съехать вниз.

Дни бесконечный работы. Дыхание сбито, аппетита нет. Мучит высокогорный кашель. Надо сделать чай, он собирается с силами не меньше получаса. Каша из порошка? Подвиг. Он умудряется затолкать ее в себя, но легче от этого не становится. Зато становится еще холоднее, и, снимая только ботинки, он забирается в спальник.

Новый день, но ничего нового. Он идет по широкой, лежащей среди крутых снежных полей ложбине. Рюкзак невыносимо тяжелый, давит к земле, как могильная плита. Через каждые десять метров приходится останавливаться и отдыхать. Собственное дыхание глушит красоту окружающего. А вокруг и правда красиво. Оглядываясь, он видит внизу плато второго лагеря величиной с ладонь, тонкую полоску большого ледника Аннапурны, соседний восьмитысячник Дхаулагири и цепочку собственных следов.

Мысли путаются. Приходится напоминать себе, что он Максим Кораблев, идет на вершину Аннапурны, чтобы принести там жертву. Чем он собрался жертвовать?.. Камера на капюшоне все время что-то снимает. Он это обещал. Кому?.. Он лезет по гигантской бесконечной крыше. Кошки продавливают наст, и Максим проваливается в снег.

Семь пятьсот. Последняя ночь перед восхождением – палатка на склоне, и ветер метет снег прямо на нее. Максим через силу что-то жует, глотает. Ничего не интересует, сознание затуманено. Ветер свистит, Максим в ответ кашляет. Холод пробирается сквозь все слои одежды, от него невозможно избавиться.

Рядом появляются люди. Он обсуждает с ними что-то важное, и через секунду не может вспомнить, что именно. Оборачивается и видит, что у всех нет головы. Зона смерти, говорит он себе, вздохнув кашляя, здесь ничего не восстанавливается, только разрушается. Так и должно быть. Единственный способ попасть в сердце Трещины – отключить мозг от привычных условий.

Сегодня все свершится! Он выходит налегке, без палатки. Малейшее движение вызывает одышку, как у астматика. Он то и дело проваливается в мягкий снег и беспомощно там барахтается. Каждый новый шаг – отдельное восхождение. Лед зеркалит солнечные лучи, и блеск снега слепит даже сквозь очки. Под ногами уходят в бездну бесконечные ребра скал.

В какой-то момент все меняется. Его охватывает необъяснимая легкость. Он так же кашляет, мерзнет, он так же обессилен, но все это перестает беспокоить. Он видит себя со стороны, свои жалкие потуги, но вдруг понимает – дойдет! Снег под ногами чуть-чуть раскачивается, это Аннапурна дышит. Она живая! Обычные звуки исчезают, мир наполняется тонким хрустальным звоном.

Граница, порог Трещины. Человек не должен был переступить эту черту. Но люди упрямы, а горы любопытны. Он один здесь – на тысячи километров один. Эта мысль удивляет Максима. Впервые за долгое время он не чувствует одиночества.

Вершинный гребень – вот он, рукой подать! На пути – последний крутой кулуар. Он методично и осторожно поднимается по стене. Ногой делает ступеньки, страшется ледорубом.

Не верит глазам – вершина! Ветер обжигает лицо и выдувает из-под куртки остатки тепла, но это тепло больше не понадобится. Он дошел! Дошел!

Ледяной гребень. Карнизы. Стена обрывается отвесом. Внизу плавают облака. А выше облаков только он... и этот гребень... На глазах выступают слезы. Хочется смеяться, плакать, кричать! Гора приняла его! Аннапурна готова выслушать!

И будто в ответ на его мысли к ледяному гребню стягивается туман.

* * *

Максим огляделся – тур сложить нечем. Здесь нет камней, только лед.

Он вынул из кармана запасные перчатки, поставил на термос, сверху батончик. Несмотря на сильный ветер, пирамида не падала. Чего-то не хватало – он снял очки и положил на батончик. Тур сделан. Максим оставил здесь все, что могло хоть как-то поддержать

его жизнь на обратном пути. Но обратного пути не будет, он принес жертву – добровольную и осознанную. Отдал не свое тело, это не так сложно и ценно, а свою судьбу.

Он не вернет Ваню. Не вернет Гульнару, которая бы могла стать его матерью и с которой он привык говорить во сне. Не вернет сотни, тысячи других погибших в горах, застрявших в Трещине, но он закроет этот ход на будущее. Прервет бесконечную цепь навсегда потерявшихся путешественников.

Как это произойдет? Что с ним случится? Максим не знал. Порывы ледяного ветра валили с ног, и единственное, о чем он беспокоился, – чтобы не упасть. Не скатиться с ледовой корки ниже, где его уже не услышат, и прежде, чем сделка будет завершена. Туман обложил небо, оградил его от отвесных стен и начал закутывать влажной ватой ноги. Максим и раньше чувствовал холод, но перестал ему сопротивляться, смирился.

А теперь отчетливо осознал: это конец. Холод и туман уже не отступят. Он инстинктивно попытался вырваться, но куда бежать с обледенелой вершины при нулевой видимости? Мозг отказывался это принимать и заставлял тело искать выход. Но вымотанный подъемом и высотой, он мог лишь топтаться на месте. И еще наблюдать, как постепенно исчезают в тумане его ноги, как тот подбирается к груди. Уже не видно рук. Невозможно вдохнуть. Очень больно! Легкие будто стянуты стальным обручем. Ледяные хлопья залепили глаза...

Кто-то хлопал его по щекам. Максим сел, разлепил глаза. Серые камни, серое небо, бесконечные пустоши. Горы – на горизонте. Напротив, подогнув под себя ноги, сидел Ваня, по обыкновению добродушно улыбаясь. Смотрел на тур. Не тот, что Максим только что (или бог знает когда?) соорудил на вершине – из перчаток, термоса и батончика, а нормальный, каменный.

– Что здесь делаешь?

Глупый вопрос. Что может делать привидение в Трещине? Жить.

Но Ванька вдруг ответил:

– Тебя ждал, – он кивнул на тур. А потом добавил: – Мы все тебя ждали!

«Мы?» – не успел спросить Максим, как фигура Вани начала дрожать и расслаиваться. Его лицо стерлось, и проступило лицо Гульнаны, потом погибшего недавно друга Костика. С десятков других, ушедших из жизни, пропавших без вести и просто давно забытых знакомых, друзей. Незнакомых. Чужих. Лица мелькали все быстрее, Максим перестал различать черты. В глазах рябило, кружилась голова.

Имя им – легион. К нему на встречу пришла Трещина всем составом.

– Я понял! Достаточно! – он зажмурился, пытаясь справиться с дурнотой.

Ваня снова стал Ваней, вполне по-человечески хмыкнул, протянул руку к верхнему камню тура. Максим едва сдержался, чтобы не остановить его – так когда-то спасал новичков. Но Ваня аккуратно снял камень, положил рядом с собой. Ничего не произошло. Это не Ваня, напомнил себе Максим, это посланник Трещины.

– Готов отдать, что обещал? – между делом спросила Трещина, прикидываясь Ваней и не переставая разбирать тур.

– Отдам, – Максим сглотнул подступивший к горлу ком, – но прежде хочу знать, что все входы-выходы будут запечатаны.

– Не торгуйся, – спокойно заметил Ваня-Трещина, – это невозможно.

Максима прошиб холодный пот. Он что-то не так делает. Не то говорит. Он все рассчитал, сопоставил. Ошибки нет. Почему же...

– Потому что она не хочет, – Ваня сделал широкий жест рукой, обводя окружающее пространство.

– А чего хочет?

– Ясно чего: чтоб не бросал.*

Максим невольно улыбнулся.

* Отсылка к диалогу из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»:

– О чем это она?

– Барона кроет.

– И что говорит?

– Ясно что: подлец, говорит, псих ненормальный, врун несчастный.

– И чего хочет?

– Ясно чего: чтоб не бросал.

– Логично.

– Ты помнишь...

– Нет, я впитал в себя тех, кто помнит тебя, твои привычки... Она... Мы... хотим чувствовать. Мы хотим жить. Мы хотим иметь память, прошлое, хотим... чтобы нас любили... – Ваня снял последний камешек тура и крутил в руках, будто раздумывая, что с ним делать.

– Обычные человеческие желания, – сказал Максим. – Только хочет этого камень... Сколько людей проглотила Трещина, и все из любопытства?

– Нет. Она так же хочет жить, как те альпинисты, которые стали ее частью. Ей нужно было впитать их, чтобы знать, как выжить.

Повисла долгая пауза.

– Что со мной будет?

– Никто не знает. Даже она. Твоя судьба станет ее судьбой. И если ты не захочешь потом, никто из людей больше не заблудится здесь.

Ваня смотрел внимательно. Простодушное полноватое лицо, смущенный вид. Кажется, он даже покраснел. Трещина быстро училась. Скоро ее привидения не отличишь от людей.

– Ты еще можешь вернуться. Мы выведем тебя с вершины. Камера работала. Ты сделаешь фильм. О тебе узнает весь мир. Ты ведь так хотел этого.

Кровь прилила к щекам. Да, соло на Аннапурну – мечта для любого альпиниста. Он заручится поддержкой горы и спустится. И останется в живых. От одной мысли голова пошла кругом. Он вернется домой. Отец обрадуется. С Ольгой наконец поговорит... Организуют с Шаманом школу альпинизма, будут заниматься с ребятами. Сколько планов. Как хочется жить... Но жить и знать, что Трещина открыта и в любой момент ты или кто-то другой может попасть под это беспросветное небо... А половина друзей уже там, и они тащат своих по цепочке, как в какой-то неправильной связке.

– Я не вернусь, – сказал Максим.

Он не знал, что испытывают самоубийцы, наверное, что-то похожее. И добавил:

– Я готов.

Фигура Вани дрогнула и начала оплывать туманным сиропом. Аудиенция окончена? И что дальше?

Ни грома с молниями, ни голоса с небес – измельчало нынче явление бога простым смертным. Ан нет, земля все-таки разверзлась. Максим почувствовал, что начал медленно погружаться. Попытался отлепить одно колено – если бы! – камень будто встал в кожу и тянул вниз. И чем больше вырывался, тем сильнее застревал в ловушке. Уже закованный по шею, пока еще Трещина не закрыла ему рот, заорал:

– Оля, я люблю тебя!

* * *

На повисшем над пропастью ледовом карнизе лежал человек в ярко-синем комбинезоне. Человек согнулся, подтянув колени к подбородку, словно в бесплодной попытке согреться. Ветер нанес крупу, подоткнув под спину снежное одеяло. Тот же ветер опрокинул термос, подхватил перчатки, поиграл ими, да и выронил на отвесные скалы. Заскучал и убрался восвояси.

Всю ночь метель плясала на карнизе – к утру ушла, тряхнув напоследок снежными юбками. А человек исчез. Будто его и не было.

